

Т.Л. ЛАБУТИНА

БРИТАНСКИЙ МОРСКОЙ ОФИЦЕР ДЖОН ДЕН НА СЛУЖБЕ У ПЕТРА I

“Тайная война” Англии против России имеет давнюю историю. Она началась с первых лет взаимодействия двух государств. Установившиеся при Иване Грозном в 1553 г. дипломатические, экономические и культурные отношения Московского государства с Англией, на протяжении второй половины XVI в. не отличались стабильностью. Различные осложнения возникали, главным образом, из-за расхождений в целях политики, проводимой каждой из сторон. В то время как Россия стремилась к сотрудничеству с Западом, в том числе и с Англией, ради дипломатического признания, заключения военно-политического союза, расширения торговых и культурных связей, западные страны, по признанию американского ученого Э. Симмонса, проявляли особый интерес, прежде всего к “богатым, неиспользованным ресурсам России”¹. Британцев наша страна интересовала, главным образом, как “сырьевой придаток”. Представители Московской торговой компании англичан стремились по возможности сохранить за собой монопольное право торговли и даже, по словам историка И.И. Любименко, применить к России “колониальный режим”².

Большую роль в “освоении” русской территории, а также в завоевании приближенных к царскому двору позиций довелось сыграть английской разведке. Всевозможные “лазутчики”, “разведчики”, “шпионы” не были редкостью в политической жизни московского государства на протяжении XVI–XVII вв. Ценную услугу по сбору секретной информации оказывали агенты Московской торговой компании. Они, как отмечал ученый В.С. Виргинский, старались завербовать русских из различных слоев населения – прежде всего должностных лиц, – действуя с помощью подкупа, шантажа, интриг³. Цари Иван Грозный, а затем и его сын Феодор Иоаннович в посланиях к королеве Елизавете Тюдор не раз сетовали на то, что Московская компания посылает в Россию “людей недостойных”, которые занимаются не торговлей, а “воровством и лазутчеством”⁴.

Деятельность британской разведки в России особенно активизировалась в XVIII в. Визиты Петра I в страны Западной Европы, проведение реформ, во многом инициированных под их влиянием, приглашение на службу множества иностранных специалистов – все это создавало благоприятные условия для работы иностранной разведки на территории нашей страны. Конечно, деятельность разведчиков чаще всего была скрыта от глаз современников, но порой некоторые из них оставляли записки, дневники, письма, в которых не скрывали истинной цели своего пребывания в России. Наглядным

Лабутина Татьяна Леонидовна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ *Simmons E.J.* English Literature and Culture in Russia (1553–1840). Cambridge, 1935, p. 44.

² *Любименко И.И.* Планы английской интервенции в России в начале XVII столетия. – Советская наука, 1941, № 2, с. 13.

³ *Виргинский В.С.* Проекты превращения Северо-восточной России в английскую колонию в XVII веке. – Исторический журнал, 1940, № 11, с. 90.

⁴ *Любименко И.И.* История торговых сношений с Англией. Вып. 1. XVI век. Юрьев, 1912, с. 56.

тому примером может служить эпистолярное наследие британского посланника Чарльза Уитворта⁵.

Ценные разведанные предоставляли британскому правительству не только дипломаты, но и военные специалисты, находившиеся на царской службе. Один из них, Джон Ден, морской офицер, прослуживший на Балтийском флоте около 10 лет, автор уникального сочинения “История Российского флота в царствование Петра Великого”. Этот труд выявил, перевел и опубликовал в России в конце XIX в. граф Е.Е. Путятин. В 1999 г. он был переиздан в Санкт-Петербурге со вступительной статьей и комментариями П.А. Кротова.

Джон Ден прибыл в Россию в 1711 г. Спустя год, в чине поручика он начал службу на 50-пушечном корабле Балтийского флота “Пернов”, дослужившись в 1719 г. до капитана 3-го ранга. «На службе в русском флоте Д. Ден проявил себя противоречиво, – отмечал П.А. Кротов. – С одной стороны, он оказался весьма деятельным, предприимчивым и находчивым офицером. Он сам это признавал и в обращении к военноморскому суду 7 июля 1720 г. подчеркивал эти свои положительные свойства: “С тех пор как я имел честь командовать кораблем на службе его величества, не было человека в моем ранге, который бы был более деятелен, чем я”». С другой – британец, как утверждал Кротов, “сделал несколько существенных служебных промахов, что в конце концов привело к тому, что он предстал перед военно-морским судом, был понижен в звании и в 1722 г. уволен”⁶.

Причиной столь печально закончившейся карьеры британского офицера в России послужил следующий инцидент. 7 сентября 1718 г. 32-пушечный российский фрегат “Самсон”, которым командовал Ден, был окружен севернее Гданьского залива голландским и английским кораблями. От Дена потребовали возвратить “призы” – захваченные им ранее в нескольких милях от Пиллау британское и голландское суда, шедшие с грузом из Швеции в Кенигсберг. Силы противников были неравны, и потому Ден, доверившись “обещанию и офицерскому слову” английского капитана, согласился на предложение соотечественника отправиться на голландский корабль “для лучшего разговора и показания документов”. Впоследствии Ден объяснял свое “неосторожное согласие” тем, что находился “в состоянии нервного потрясения”. На голландском корабле он был арестован и освобожден лишь после того, как английская и голландская шлюпки отобрали захваченные “Самсоном” “призы”. В конце сентября 1718 г. Ден подал письменный рапорт о случившемся в Адмиралтейскую коллегию⁷. Поначалу проступок Дена не возымел каких-либо серьезных последствий. Однако по мере осложнения отношений между Россией и Британией, одним из последствий которого стало издание королем Великобритании Георгом I декларации о запрете британским подданным служить в России, положение морских офицеров осложнилось: их стали подозревать в служебной неблагонадежности. Желание Дена оставить службу совпало с намерением российских властей избавиться от ненадежного офицера. В декабре 1719 г. по просьбе Дж. Дена генерал-адмирал Ф.М. Апраксин и вице-адмирал К. Крюйс подписали паспорт о его увольнении из российского флота. Однако Ден так и не смог выехать из России. Весной 1720 г. Совет Адмиралтейской коллегии осудил Дена по подозрению о взятке в 500 червонцев, которую он получил за то, что уступил призовое судно голландцам и англичанам, захваченное командой “Самсона” в 1718 г. На основании вынесенного судом приговора Ден был понижен в чине и направлен служить на морских судах при Казанском адмиралтействе. Впрочем, в Казани британец долго не задержался. По окончании Северной войны по указу Петра I от 15 ноября 1721 г. он получил разрешение покинуть место ссылки, был понижен в чине и отправлен в отставку. Однако из страны его не выслали, да и сам Ден возвращаться на родину не спешил. Он прекрасно

⁵ См.: *Лабутина Т.Л.* Британский дипломат и разведчик Чарльз Уитворт при дворе Петра I. – Вопросы истории, 2010, № 11, с. 124–135.

⁶ *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999, с. 6.

⁷ Там же, с. 6–7.

понимал, что на продолжение служебной карьеры в Англии мало надежды: служба на флоте государства, дипломатические отношения с которым у англичан были разорваны с 1720 г., во многом тому способствовала. “Размышления о предстоявшем возвращении на родину, учет международного положения, существовавшей тогда настороженности по отношению друг к другу Британии и России, по всей видимости, и привели Д. Дена к мысли обобщить полученные им во время службы в русском флоте сведения по его истории и собрать данные об его современном состоянии, – считает П.А. Кротов. – Предоставив такое сочинение британскому правительству, Д. Ден получил бы весомое основание для оправдания своей службы в российском флоте и хорошие перспективы в отечестве”⁸. И в 1723 г. Ден принимается за написание своего труда. Работа над книгой длилась около года, однако завершить ее в России автор не успел: осенью 1723 г. Ден перебирается из Петербурга на Котлин, чтобы подготовиться к отплытию на последних торговых судах из России. По возвращении на родину, он завершает свой труд, первый экземпляр которого 4 февраля 1724 г. был подарен королю Георгу I. Британские власти оценили столь обстоятельное сочинение об истории и современном состоянии российского флота по заслугам: весной 1725 г. Ден был отправлен в Россию в ранге генерального консула Великобритании.

Однако новоиспеченный консул не вызывал доверия российских властей: в июне того же года он был выслан из страны. Между тем данное обстоятельство не повлияло на карьеру Дена в Англии. В 1726 г. как знаток фарватеров в Финском заливе он был назначен лоцманом на одном из кораблей британской эскадры, прибывшей на Балтику с целью блокировать российский флот в портах. Позднее Дена отправили в качестве консула в порт Остенд, расположенный вблизи города Брюгге на берегу Северного моря. Подобным “высоким назначением”, по признанию исследователя, были отмечены заслуги Дена по написанию “Истории Российского флота в царствование Петра Великого” (далее – “История флота”) и его содействие британскому правительству в 1725 и 1726 гг.⁹

Что же представляла собой “История флота” Дена, и какая информация, помещенная в трактате, указывала на ее разведывательный характер? Поскольку британский морской офицер пробыл на царской службе 10 лет, естественно, что большую часть своего произведения он посвятил описанию непосредственной своей деятельности – службе на балтийском флоте, хотя и не ограничивался только этим. В его “Истории флота” немало сведений о положении в России иностранных офицеров и кораблестроителей, впечатления о русском народе, его обычаях, а также отношения к проводимым царем реформам. Ден рассуждал о власти царя, деятельности Петра I, направленной на модернизацию страны, прежде всего через создание мощного флота. Уже в начале повествования он вкратце излагал предысторию строительства российского флота. “С самой юности царь Петр выказывал любовь ко всему касающемуся мореплавания и в 1695 году, задумав осаду Азова, выстроил с помощью греческих и итальянских мастеров в Воронеже на реке Дон некоторое количество судов для перевозки туда боевых припасов, артиллерии и отчасти войск, – повествовал автор. – Занятие этой крепости, открывшее доступ к Азовскому морю, впервые подало царю мысль о создании военно-морской силы”¹⁰. И хотя царь никогда прежде не видел военных кораблей, тем не менее, как утверждал Ден, “по свойственной русскому самоуверенности” он считал своих подданных способными их создавать. Одновременно он решил завести флот на Волге, поручив голландским корабельным мастерам построить вблизи Казани около сотни грузовых судов для торговых целей и для перевозки войск. По мнению Дена, мало что можно было сказать в пользу кораблей, выстроенных до возвращения царя из его путешествия на Запад, “умолчать о них будет наибольшим комплиментом”. Однако ситуация со строительством российского флота заметно изменилась после того,

⁸ Там же, с. 11.

⁹ Там же, с. 16.

¹⁰ Там же, с. 17.

как царь возвратился из Европы, где в Голландии и Англии “он удовлетворил свою природную любознательность, пристально изучая с очень великим усердием теорию и практику кораблестроения; одновременно другие из его окружения деятельно посвятили себя изучению ремесел – мачтового, парусного и других, относящихся к кораблестроению. Самому же ему предоставили полную свободу приглашать на службу мастеров по этим нескольким специальностям. Возвратившись в Россию... он принялся за исполнение своих предначертаний, особенно же тех, которые касались возлюбленного его замысла – создания военно-морского могущества”¹¹. Из заграничного путешествия царь привез с собой “многих морских офицеров, преимущественно голландцев и датчан”, а также корабельных мастеров и морских офицеров из Англии. Он упразднил прежний обычай, согласно которому бояре были обязаны строить корабли за свой счет и выделил для этой цели “особые средства”. Во главе всех кораблестроительных работ были поставлены английские специалисты. В Таврове и Воронеже были построены кораблестроительная верфь, амбары, погреба, а также жилые дома для всех должностных лиц, “сообразно их положению”. Ден отмечал, что Петр I “рьяно следил за приведением и исполнением своей цели”, часто приезжал навещать работы, а иногда “проживал на месте”, причем некоторые корабли строились по его указаниям, а потому царя “следует считать их строителем”. Англичанин обращал внимание на то, что при отделке и украшении кораблей не считались ни с какими расходами. Наконец, флот был готов: “Один за другим были построены около 30 военных кораблей силою от 80 до 40 пушек, также фрегаты, галеры, грузовые суда и прочие”¹².

Пользуясь своим положением морского офицера, вращаясь среди иностранных специалистов, имея неограниченные возможности передвижения по стране, в посещении портов и гаваней, а также кораблестроительных верфей, Ден получал прекрасную возможность собирать подробные сведения о состоянии российского флота.

“История флота” Дена изобилует информацией о кораблях, состоящих на вооружении у Петра I¹³. Он сообщает их названия, число пушек (от 36 до 90), имена командиров судов¹⁴. В заключительной части труда Ден приводит список военных кораблей Балтийского флота царя “с самого его начала” до 1724 г. Выяснилось, что численность флота составляла 71 судно. Разведчик не только называл страны и города, в которых строились корабли (13 – в Голландии, 11 – в Англии, 3 – в Швеции, 2 – в Гамбурге, 1 – во Франции, остальные на верфях России – в Петербурге, Архангельске, Ладоге), но обращал внимание на состояние указанных судов. Так, выяснилось, что 12 кораблей были “ветхими”, “очень ветхими” и “негодными к плаванию”, 18 судов оказались “разобранными”, 7 – потерпели крушение, еще 7 – были взяты в плен, либо сожжены, взорваны молнией или проданы на слом, 3 – “выстроены наново до ватерлинии” и т.д.¹⁵ В результате, как стало очевидно из проделанного британским офицером анализа состояния балтийского флота Петра I, большая часть кораблей была непригодной для морских баталлий. В то же время данные сведения выявляли важную деталь: большинство судов, пригодных для плавания, были построены на корабельных верфях России, а не за границей, как то было в первые годы реформаторской деятельности Петра. На заключительных страницах “Истории флота” Ден вынужден был признать, что “немногие из имеющихся на свете кораблей способны нанести вред русским кораблям, особенно тем, что построены в С.-Петербурге, которые... обладают отличными мореходными качествами... бесподобно хорошо снабжены мачтами, парусами, якорями, канатами и проч. – все это собственные российские произведения, из которых выбирается все самое отборное для императорского флота”¹⁶.

¹¹ Там же, с. 18.

¹² Там же, с. 19–20.

¹³ Там же, с. 28, 30–31, 39–40, 60–61, 67–68, 102–103, 108–109, 138–144.

¹⁴ Там же, с. 47–48.

¹⁵ Там же, с. 142–144.

¹⁶ Там же, с. 128.

Наиболее уязвимым местом в российском флоте, по мнению британского разведчика, оставалась недостаточная укомплектованность судов матросами и офицерами. Поскольку царь намеревался держать постоянно “в полной исправности” 40 линейных кораблей, имеющих на вооружении от 50 до 100 орудий каждый, ему необходимо было заполнить свой флот экипажами. С этой целью царь отправлял своих эмиссаров в Англию и Голландию “вербовать на царскую службу офицеров и матросов”. По его распоряжению приближенные царя старались убедить иностранных офицеров подписать договор о пожизненной службе, однако таковых оказалось немного. Нередко Петр публично провозглашал тост: “За здоровье всех храбрых офицеров, которые никогда не вознамерятся покинуть меня, особенно в военное время”, надеясь, что те не станут настаивать на своем увольнении. Однако это не могло переменить ситуацию. “Корабельных мастеров у него достаточно, а также и флагманов разных рангов, – признавал Ден, – недостающее незначительное количество капитанов и поручиков может быть пополнено в кратчайший срок повышением в следующие чины его собственных подданных, которые давно уже считают всех иностранцев излишними и посмеиваются над их опытностью”¹⁷.

Из сказанного Деном обращает на себя внимание тот факт, что Петр постепенно старался заменить иностранных специалистов, а также морских корабелов и офицеров соотечественниками. “За последние три года, – свидетельствовал Ден, – многие из них (российских офицеров. – *Т.Л.*) действительно получили повышения, с тех пор как царь, возымев слишком высокое мнение о силе своего флота и способностях своих соотечественников, стал менее строго присматриваться к поведению и способностям этих молодых людей”. Хотя британский разведчик и признавал, что “между русскими” встречаются “способные лица”, тем не менее о большинстве российских поручиков он был невысокого мнения. “Иностранцы всегда предпочитают оставлять их на берегу, – утверждал Ден, – так как при благоприятной погоде самолюбие их нестерпимо, причем они высокомерно требуют большого внимания и ухода за собою, в дурную же погоду или в каком-либо другом крайнем случае они сказываются больными, хотя на самом деле вполне годны к службе”¹⁸. Что касается иностранных офицеров, служащих на российском флоте, то среди них, по характеристике британца, “есть несколько весьма достойных”, но из-за “партийных разногласий и предрассудков”, а также принадлежности к разным нациям, число опытных и искусных среди них окажется “крайне незначительным”. Как бы то ни было, в 1717 г. царь издал “особое распоряжение”, согласно которому “командиры и все, занимающие должности выше штурманов, должны были быть русскими”¹⁹. Кроме того, Петр стал активно готовить будущих корабелов и моряков из молодых людей от 16 до 20 лет, отправляя их на обучение в Англию и Голландию. Ден упоминал о том, что для этой цели царь выбрал 72 юноши, которых откомандировал на Запад сроком на пять лет обучаться “мастерству” у англичан и голландцев²⁰. Помимо этого царь обязал всех иностранных судостроителей брать к себе молодых людей для обучения их искусству.

Наиболее сложной задачей для Петра оказалась подготовка необходимого количества матросов. “Хотя расположение, показанное царю разрешением порядочному числу его молодых аристократов, дворян и простолюдинов служить в британском и голландском флотах в качестве волонтеров в период последней войны с Францией (война за испанское наследство 1702–1714 гг. – *Т.Л.*), в некоторой степени содействовало обеспечению его опытными моряками его собственной нации, но в мере, не отвечавшей его ожиданиям”, – признавал Ден. Англичанин полагал, что многие из посланных за границу молодых людей оказались сыновьями лиц, “подозреваемых в несочувствии к стремлениям царя изменить их обычаи и преобразовать страну”. По этой причине молодые

¹⁷ Там же, с. 59, 90, 126–127, 124.

¹⁸ Там же, с. 127–128.

¹⁹ Там же, с. 132.

²⁰ Там же, с. 69.

люди, сохраняя за границей “известную долю питаемого их родителями неудовольствия, были менее настойчивы в обучении”. Что касается остальной части “великосветских отпрысков”, то она, по признанию Дена, “пользуясь широким кредитом, пустилась во всевозможное мотовство и жила расточительно, постоянно посещая театры, игорные дома, столы и проч., подражая преобладающим привычкам той нации, где они находились, и избегая по возможности морских плаваний”. После возвращения на родину этим молодым людям был учинен экзамен на предмет их познаний в морском деле, в результате которого выяснилось, что они “постигли лишь неглубокую премудрость корчить из себя утонченных кавалеров”. Царь пришел в ярость и распорядился их разжаловать в простые матросы и “наряжать постоянно на самые грубые работы”. Таким образом, приходил к заключению Ден, большие расходы, потраченные на заграничное обучение великосветской российской молодежи, оказались “весьма малодейственными”: лишь немногие (“те, кто более стеснен в средствах”) проводили больше времени на море и показали вследствие этого лучшие успехи²¹.

В результате недостатка низших чинов на флоте царь ежегодно отправляет в плаванье “большее число кораблей, чем он в состоянии снабдить сколько-нибудь опытными матросами”, а потому, по признанию Дена, ему обязательно нужно “что-нибудь предпринять для лучшей подготовки своих моряков”. “Огромная нужда в опытных матросах перевешивает все другие трудности, с которыми царю приходится бороться, – признавал англичанин, – причем долгие зимы служат существенною помехою в усовершенствовании его подданных в этом искусстве, так как в течение столь продолжительного времени они легко забывают то, с чем недостаточно успели освоиться в предшествующее лето”. Юнги заведены в российский флоте недавно. Их набирают на службу из распущенных пехотных полков. В результате большинство их не готово служить во флоте: в бурном море они падают духом и теряются. Британский офицер ссылаясь на высказывания “высокопоставленных лиц” в окружении царя, которые полагали, что после заключения мира со Швецией, многим морякам придется превратиться в купцов, а это, на взгляд Дена, было чревато опасными последствиями, поскольку, оказавшись за границей, они увидят “более привлекательный образ жизни в других странах” и предпочтут дезертировать, нежели возвращаться на родину. Ден приводил в подтверждение своих слов случай с российскими моряками, которые в 1713 г. дезертировали с кораблей, зимовавших в Норвегии, хотя эта страна, на его взгляд, являлась “малопривлекательной”, да, к тому же, между царем и королем Дании в тот период действовало соглашение, по которому беглецы могли быть выданными по первому же требованию России²².

Ден обращал внимание на то, что военные уставы и морские регламенты Петр I заимствовал у англичан, французов, голландцев, датчан и шведов, пытаясь после тщательного их изучения “выбрать из них те части, которые могли быть полезны для его целей”²³. Для этого он учредил комиссию, которая собиралась в его доме для ассамблей, и куда сам царь ежедневно являлся к четырем часам утра. В состав комиссии вошли контр-адмирал Гордон, капитан-командор Отто, глава артиллерии военно-морского флота, капитан Гослер, Зотов, Мишуков, а также генерал-адмирал Апраксин и контр-адмирал Сиверс. Судя по тому, что Ден представил детальный портрет генерал-адмирала графа Федора Апраксина, он нередко встречался с высокопоставленным российским чиновником. Граф Апраксин “по происхождению столбовой российский дворянин и в отдаленном родстве с царем, человек лет около 64-х, среднего роста, хорошо сложен, белокурый, любящий поество, заботящийся о своих волосах, очень длинных и седых, которые он обыкновенно носит повязанными лентою”, – так описывал британец генерал-адмирала. Он отмечал не только “особый лоск” впечатляющей наружности Апраксина, но и давал его характеристику: граф имел “любезный нрав”, но в то же время не любил панибратства и требовал к себе “надлежащего почтения”, посему даже придвор-

²¹ Там же, с. 118.

²² Там же, с. 119, 128, 124.

²³ Там же, с. 90.

ные шуты не позволяли себе во дворце графа никаких вольностей. Генерал-адмирал “с отцовской тщательностью” входил во все нужды подчиненных, но при этом не брал никого под свое покровительство, пока не ознакомится с образом жизни и способностями просителя. Но уж если выкажет милость к кому-либо, то никогда не отступится, даже если пришлось бы за это пострадать от царя. Его отличительные черты – откровенность и умение держать слово. “По характеру он флегматик, – продолжал Ден, – и поэтому он питает отвращение к слишком поспешным мероприятиям, но как глава сухопутных сил в течение многих лет он дал неопровержимые доказательства своей храбрости и прославившие его примеры руководства... Его считают сердечно преданным интересам государя, хотя при этом в частном разговоре с близкими ему людьми он горько жалуется на печальное положение своей родины, в котором она находится, несмотря на ряд столь великих успехов”. Завершая характеристику высокопоставленного чиновника, Ден подчеркивал: “незвирая на невзгоды”, происходящие от того, что Апраксин никогда не видел чужих стран, не владел иностранными языками, “никогда не изучал на практике основ моряцкого дела, никогда прежде вплоть до преклонных лет не был на море, тем не менее, благодаря удивительным природным способностям и огромной памяти, он достиг достаточного искусства в морском деле и поразительно поддерживает свой авторитет как генерал-адмирал на должности, столь неустойчивой при своеобразном правлении”²⁴. Заметим, что подобной высокой оценки со стороны британского офицера не заслужил даже царь, к которому большинство иностранцев относилось с должным уважением, а порой и восхищением.

Пользуясь возможностью свободного передвижения по стране, британский разведчик посетил железодельные заводы в Олонце, расположенные неподалеку от Ладожского озера, на которых отливались пушки, якоря, “всякое ручное оружие” и военное снаряжение. Заводы и все производимое на них получили высокую оценку англичанина. “Руда, корабельный лес и все необходимое являются естественными произведениями страны; продовольствие и труд рабочих дешевые, для обучения русских приставлены иностранцы, один из которых англичанин, кузнец якорного дела (Ричард Фолий), руководит выковыванием всех якорей для флота. Благодаря таким мерам россияне теперь достигли великого совершенства в отливки пушек и изготовлении... военного снаряжения, так что современная пушка с ядром, весящим 18 фунтов, весит не более 12-фунтовой пушки, отлитой 10 лет тому назад. Все эти предметы, а также канаты и другие морские припасы, назначенные для вывоза на его (царских. – *Т.Л.*) судах, найдут успешный сбыт в большинстве стран за границую”, – заключал Ден²⁵.

Англичанин внимательно изучал положение дел на флоте. Так, он обратил внимание на то, что весной 1714 г. русские сделали “чрезвычайные приготовления” для усиления своего флота. Этому способствовало укрепление кадрового состава кораблей за счет возвратившихся из Германии офицеров, которые изучали артиллерийское дело. Они получили звание бомбардиров, хорошее содержание и были распределены по кораблям. Кроме того, были созданы новые изобретения “по сжиганию кораблей горючими веществами” и изготовлены начиненные порохом трубки для более быстрой стрельбы из пушек. Орудия снабжались “огнеметными трубами для выбрасывания горячей жидкости”²⁶.

Сведения, добытые британским разведчиком в России, сводились к аналитической записке, представленной в виде заключительных выводов в “Истории флота”. “По всестороннему изучению сведений я держусь вполне того мнения, что хотя число кораблей царя и возросло, однако за последние 4 года численность настоящих моряков не увеличилась: те же громадные суммы, которые ежегодно тратятся на обучение его моряков и поддержание его флота на теперешней высоте... неизбежно должны истощить его казну и сделать его менее грозным”, – свидетельствовал Ден и заключал: “Все будущие пла-

²⁴ Там же, с. 95–98.

²⁵ Там же, с. 132.

²⁶ Там же, с. 39.

ны и ожидания его (царя. – Т.Л.) должны оставаться невыполненными, пока дела его в Азии находятся в столь неустойчивом положении, и, если он, в свою очередь, здесь потерпит неудачу, тогда подобный исход, без всякого сомнения, разрушит многие, если и не большинство, из его великих дел”²⁷. В подтверждение сказанного Ден приводил список российского флота, способного выйти в море в начале лета 1724 г., оговаривая при этом, “если окажется достаточное число моряков для их укомплектования и поход не будет слишком удаленным от российских берегов”. Указанный список англичанин предварял следующими пояснениями: “Корабли, помеченные крестом, являются старыми и малогодными, а помеченные звездочкою, не в состоянии ходить под парусами при сильном ветре и, следовательно, негодны для дальних плаваний”. Как выяснилось, из 35 перечисленных судов, 8 были признаны Деном “малогодными”, 3 – непригодными для дальних плаваний. Большинство же судов, оснащенных от 30 до 90 орудий, были вполне способны участвовать в морских сражениях. Если сравнить данные сведения с теми, которые Ден приводил ранее, становится очевидным, что достижения по созданию российского флота на протяжении 10 лет были осязаемыми, а это не могло не беспокоить британское правительство, на службе которого состоял разведчик.

Проследившая многолетнюю деятельность британского разведчика, невольно задаешься вопросом: предпринимались ли какие-либо меры со стороны властей, направленные на предотвращение подобной “работы” в России иностранного офицера? Действительно, соответствующая информация доходила до Петра I. Во всяком случае, по мере усиления российского флота, достигнутых с его помощью военных побед, а также подготовки необходимых специалистов, царь постепенно начинает отходить от практики привлечения иностранцев на государственную службу. Как отмечал в 1724 г. Ден, “царь теперь не имеет иностранцев на своей службе среди простых моряков: лучшие из них были произведены в унтер-офицеры, а остальные уволены”. Все чаще российское правительство принимало запретительные меры для посещения иностранцами военных объектов. Так, начав строительство новой гавани и укрепления в Рогервике, Петр запретил иностранцам приближаться к месту производства работ, о ходе которых, впрочем, Ден узнал от своего информатора, изыскавшего возможность “обозреть совершенные приготовления и ход работ”. Были изданы также “строгие приказы, воспреещающие всем не непосредственно служащим допуск в гавань Кроншлота, и офицерам охраны приказано задерживать всякого, кто попытается туда проникнуть”²⁸. Очевидно, что российские власти делали все возможное, чтобы обезопасить национальные интересы, однако они не могли принимать кардинальных мер в силу необходимости широкого привлечения иностранных специалистов на “государеву службу”.

Следует отметить, что “История флота” Дж. Дена, помимо сведений о состоянии морского флота России, содержала информацию о положении в нашей стране иностранных специалистов, преимущественно корабелов и моряков. Ден отмечал, что именно англичане внесли большой вклад в строительство российского флота. После возвращения из Англии царь заменил голландских корабелов на английских. На верфях в Таврове и Воронеже стали трудиться: корабельные мастера из Британии Джозеф Най, подмастерья Девенпорт, Хэдли, Джонстон, Гардине, Выб, блоковой мастер Бэгз и мачтовый мастер Райт. В 1705–1706 гг. к ним присоединились корабельные мастера Кент и Ричард Броун²⁹. Ден приводил данные о жаловании британских офицеров: вице-адмирал Крюйс получал ежегодно 3000 руб. и 3% от стоимости всех “призов”; вице-адмирал – от 1600 до 1800 руб., контр-адмирал – 100 руб., капитан 1-го ранга – 50 руб., поручик – 15 руб., штурман – 10–15 руб., боцман и пушкарь – 10 руб., иностранные матросы – 5 руб. Из установленных правил делались исключения. К примеру, контр-адмиралу Паддону, вице-адмиралу Гордону и контр-адмиралу Сандерсу, помимо определенного содержания из Адмиралтейской коллегии, ежегодно отпускались из каби-

²⁷ Там же, с. 138.

²⁸ Там же, с. 146, 137.

²⁹ Там же, с. 19, 24.

нета или “частных средств его величества известные суммы под видом подарков или наградных денег, чтобы исключить всякий повод для претензий со стороны других”. В то же время размеры жалования иностранных моряков были выше, чем у российских матросов. Ден сообщал: боцман в России получал ежемесячно 7 руб., матросы, служившие за границей, “которых очень мало” – 3 руб., остальные – от 40 коп. до 1 руб., юнги – 30 коп. Помимо оговоренного жалования, матросы постоянно снабжались “грубой одеждой, известным количеством ржаной муки, овсяных круп и соли даже и по окончании кампании”. Что касается российских офицеров, то они, на взгляд Дена, получали одинаковое с иностранцами жалование с тем отличием, что русским оно выплачивалось ежемесячно 12 раз в году, а иностранцам “еще и тринадцатый раз”. Несмотря на то, что жалование британских офицеров и матросов было выше, чем у российских моряков, они порицали вице-адмирала Крюйса, полагая, что тот мог “повлиять на царя в начале создания флота и убедить его назначить достаточные оклады содержания или, по крайней мере, чтобы при этом были бы соблюдены справедливые соотношения между размерами назначенных окладов”³⁰. Корабельные мастера Козенц, Най и Броун получали каждый около 1000 руб. ежегодно, а Броун “сверх того за руководство починкою флота при Кроншлоте еще 40 руб. в месяц”; Рамз в Петербурге и Девенпорт в Ревеле, следившие за “починкой” кораблей, имели ежегодное жалование по 800 руб., а Хэдли в Казани “по случаю дешевизны там жизненных припасов” – 600 руб. Корабельные подмастерья получали ежемесячное жалование в 34 руб. Ден подчеркивал: корабельные мастера Козенц, Най и Броун при приглашении на царскую службу “выговорили” себе, чтобы большая часть их жалования выплачивалась в Англии, но по простовости времени эти условия были изменены и они стали получать те же суммы, что и другие британцы, хотя и имели “некоторое дополнительное вознаграждение в виде возмещения за убытки от понижения качества русской серебряной монеты”. “Непропорциональность” между окладами жалования корабельного мастера и капитана во флоте вызывала недовольство британских офицеров. В 1720 г. царь установил правило о старшинстве, согласно которому корабельные мастера были приравнены к рангу капитана 3-го ранга, в результате чего и мастера, и капитаны почувствовали себя “обиженными... в вопросе получаемого оклада”³¹.

Ден отмечал, что со временем жалование британских офицеров в России заметно сократилось в силу того, что ценность рубля вдвое обесценилась после проведенной Петром I денежной реформы. Кроме того, морские офицеры лишились ряда привилегий. К примеру, вдвое сократилась численность их денщиков (“прежде капитану назначались шесть крестьян, дарованных ему царем и содержавшихся за счет казны, но перед заключением мира число таковых было сокращено до трех и, соответственно, по пропорции у капитан-поручиков и поручиков”). Кроме того, при производстве в следующий чин от каждого офицера стали требовать вносить месячный оклад жалования на содержание госпиталя, а также после заключения мира со шведами начали удерживать до 25% с каждого рубля жалования и отменили 13-й месячный оклад. Начались задержки с выплатой жалования. Порой офицеры не получали жалование почти целый год, тогда как в прежние времена содержание им выдавалось в виде аванса за четыре месяца вперед. Подобные “удержания и задержки” доводили офицеров “до весьма стесненных обстоятельств”.

Продолжая освещать столь важную для иностранцев тему жалования, Ден обращал внимание на то, что оклады, получаемые иностранными офицерами на сухопутной службе, за исключением окладов служащих в артиллерии, были значительно ниже, чем те, которые имели морские офицеры. Он также отмечал, что русские, а также “старожилы-голландцы”, родившиеся от иностранных родителей и проживавшие долгое время в России, получали “весьма небольшое жалование ввиду их неопытности в искусствах

³⁰ Там же, с. 114–115.

³¹ Там же, с. 116.

сравнительно с другими нациями”³². Как бы то ни было, но иностранные офицеры были, на взгляд Дена, недовольны подобным положением дел, поскольку “весьма немногим удалось извлечь для себя какие-нибудь особые выгоды”. Когда же иностранцы начинали предъявлять претензии, им отвечали, что “недовольные могут по окончании кампании просить об увольнении в отставку”. Однако покинуть Россию для иностранцев, находящихся на царской службе, тоже было непросто. Как писал Ден, “помимо долгого ожидания и значительных издержек, сопряженных с получением отставки, пускаются в ход разные хитрости, чтобы выманить у них часть заработанного ими состояния”³³. Быть может, этими обстоятельствами объяснялся тот факт, что в книге Дена упоминалось немного имен офицеров, подавших рапорт об увольнении. Так, он приводил в пример двух британских офицеров: капитана Гея и капитан-поручика Вица, а также двух голландских капитанов Фалькенберга и Беринга, уволенных со службы в 1724 г.

В своем труде Ден касался отношения Петра I к **иностранным офицерам**. Он подчеркивал, что в первые годы по прибытии из Англии приближенные царя довольно долго пытались от офицеров об их намерениях, стараясь убедить подписать договор о пожизненной службе. Те, кто принял подобное приглашение, получили различные поощрения. Но со временем вербовка иностранных офицеров стала проводиться более открыто³⁴. Чтобы удержать иностранных офицеров на службе, Петр нередко повышал их в чине. Так, Ден приводил сведения о повышении в чине многих иностранных офицеров после завершения войны со шведами. Он полагал, что царь рассматривал повышения в чинах иностранцев в “переломное” время как “обязывающие их в знак признательности остаться служить всю жизнь”³⁵. Большое “благоволение” Петр оказывал также корабельным мастерам. Как отмечал Ден, царь “не раз во время общественных мероприятий подсаживался к ним, называя себя их собратом”. Впрочем, подобное доброжелательное отношение Петра к иностранным корабелям не исключало строгой требовательности царя к производимой ими работе. Ден вспоминал, как в 1723 г. царь возбудил между корабельными мастерами “сильное неудовольствие” распоряжением, чтобы каждый корабельный мастер неотлучно присутствовал на производимых под его руководством работах в Санкт-Петербургском адмиралтействе, а также предоставил “точный перечень всех требований и действий при постройке ими кораблей под предлогом облегчения этим задачи обер-сарваеру Головину, формально армейскому генералу”. Подобное нововведение, по признанию Дена, “встретило сильнейшее сопротивление со стороны корабельных мастеров, пока царь лично не подтвердил, что такова его воля и что он требует неуклонного повиновения”³⁶.

Надо признать, что царь нередко привлекал к суду иностранных офицеров, обвиненных в том или ином преступлении. К примеру, Петр I назначил военно-морской суд под председательством князя Меншикова над британскими офицерами, посадившими два корабля на мель. Суд подверг аресту на шесть месяцев капитана Литла, а затем понизил его в должности, произведя в подпоручика. Штурман же одного из кораблей был сослан на галеры. Подверглись аресту, были заключены в тюрьму и лишены части содержания несколько иностранных капитанов, участвовавших в учениях “кроншлотской эскадры”. Впрочем, их наказание длилось недолго: после известия о заключении мира со шведами на них распространилось действие всеобщей амнистии³⁷. Как видно, Петр довольно объективно относился к иностранным корабелям и морским офицерам. Он высоко ценил их профессиональную деятельность, однако не прощал серьезных проступков, подвергая тем же наказаниям, что и своих подданных.

³² Там же, с. 117.

³³ Там же, с. 137, 117.

³⁴ Там же, с. 35–37.

³⁵ Там же, с. 105–106.

³⁶ Там же, с. 116–117.

³⁷ Там же, с. 88, 104.

Бесспорный интерес в книге Дж. Дена вызывают его высказывания о России и русском народе. На взгляд британца, российский народ “поразительной степени поддается унынию, отчасти проистекающему из деспотической власти их начальников, а также, по их собственному мнению, от бедного питания, они много потребляют соли и кислот и чрезвычайно подвержены цинге; они так привержены к баням, что, если не сходят в нее хоть раз в неделю помыться, их вконец одолевают насекомые”³⁸. Подобно всем иностранцам, посетившим Россию, Ден нелицеприятно высказывался о православной религии, полагая, что она оказывает “губительное влияние” на народ. Особенно негативно на состоянии духа русских сказывается соблюдение ими постов: “Столь темный, суеверный народ так привержен этой менее существенной стороне обрядности, что, когда, особенно в посты, с российского флота отправлялось на берег большое количество больных, и царь предписывал выдавать им свежее мясо и выставить часового для наблюдения за тем, чтобы больным не привозили никакого другого продовольствия, многие при этом положительно предпочитали скорее умереть, чем преступить религиозные каноны, согласившись вкусить запретной мясной пищи”. Ден отмечал: сам царь “весьма порицает этот неразумный обычай”, однако не решается уничтожить его своим указом, поскольку знает “глубокую приверженность” народа к нему. Тем не менее Петр подвергал насмешкам подобный обряд, “как и многие другие странности в обрядах их религии и обычаях страны”. Примечательно, что в этом, по словам Дена, ему оказывали содействие многие из служащих в армии и флоте россиян, которые побывали за границей³⁹.

Хотя о форме правления в России британец подробно не распространялся, тем не менее, как и большинство иностранцев, полагал, что она мало пригодна для народа и что русские люди “должны смотреть на Россию не иначе, как на неизбежную тюрьму”⁴⁰. Ден подчеркивал, что многие в России были недовольны реформами, проводимыми Петром I. Особенно возмущали русских людей большие финансовые затраты, происшедшие от войн, которые вел царь, а также от строительства флота⁴¹. Британский офицер вкратце останавливался также на освещении строительства Петербурга и Кронштадта, а также отдельных событиях, случившихся во время его пребывания в России.

Бесспорный интерес в книге Дж. Дена вызывают высказывания о намерениях российского императора после заключения мира со Швецией расширить территориальные владения за пределами России. Британец ссылаясь на “горячие толки” в стране по поводу того, что царь собирался “отправить эскадру военных кораблей через Зунд, Ла-Манш и Гибралтарский пролив в Средиземное море и что он сам отправится им навстречу сухим путем в Венецию”. По мнению Дена, подобные слухи имели под собой основание, поскольку в царском флоте находились люди, “сильные духом и замечательно твердого характера, которые... предпримут все от них зависящие усилия, чтобы подогреть их (слухи. – *Т.Л.*) с целью извлечь из них свои частные выгоды”. Британский офицер не сомневался, что российскими моряками в подобном предприятии движут исключительно меркантильные соображения и что командование эскадрой в Средиземном море предоставило бы им “прекрасную возможность обогатиться и после этого покинуть службу”. Как выяснилось, с некоторыми из этих людей Ден был лично знаком и потому с уверенностью утверждал, что они решались “обосновывать право царя на основании его владения Курляндиею на остров Тобаго в Вест-Индии”, полагая, что это принесет Петру I многочисленные выгоды в случае, если он “оснует там колонию”⁴². Подобная информация британца, на взгляд комментатора и издателя “Истории флота” П.А. Кротова, была достоверной, поскольку еще в 1699 г. опекун и дядя курляндского герцога Фридриха-Вильгельма герцог Фердинанд просил Петра I принять под свою державу

³⁸ Там же, с. 121.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, с. 186.

⁴¹ Там же, с. 20, 110.

⁴² Там же, с. 124.

принадлежащий ранее Курляндии остров Тобаго в Вест-Индии⁴³. Как видно, российский император, подобно британским монархам, также не исключал возможности завоевания заморских колоний и присоединения их к России.

Итак, анализ “Истории флота” Джона Дена свидетельствует, что это интересный источник по истории петровской России, в частности по созданию российского морского флота. В то же время данный труд воочию убеждает, что иностранные военные и другие специалисты далеко не всегда занимались непосредственной своей работой, совмещая ее с разведывательной деятельностью. Поскольку Петр I в осуществлении своих реформ не мог обойтись без иностранных специалистов, он был вынужден предпринимать лишь небольшие ограничительные меры, чтобы не допустить проникновения разведчиков на военные объекты. Впрочем, это не всегда помогало, и ценная информация “утекала” из страны в стан потенциального противника. История деятельности первых британских разведчиков на территории России, среди которых оказался и Джон Ден, со всей очевидностью продемонстрировала истинные намерения правительства Англии в отношении нашей страны, которые были далеко не дружественными в XVIII в.

⁴³ Там же, с. 186.